

двуязычия затрагивал не только сферу образования и управления, но и повседневную коммуникативную практику населения. В городских условиях наблюдалось постепенное вытеснение казахского языка из общественных пространств: учреждений, торговли, сферы обслуживания. Даже в семьях городских казахов всё чаще происходил переход на русский язык как основной язык общения между поколениями, что усиливало тенденцию языкового сдвига. Особое значение в формировании двуязычия имела система высшего образования. Большинство вузов Казахстана функционировало на русском языке, а научные публикации, диссертационные исследования и профессиональная терминология практически полностью основывались на русскоязычной базе. Это укрепляло статус русского языка как инструмента интеллектуальной деятельности и научного дискурса, одновременно ограничивая развитие академического казахского языка.

Важным аспектом являлось также административное регулирование языковой сферы. Несмотря на формальное провозглашение равноправия языков, реальные управленческие решения способствовали закреплению иерархии, в которой русский язык выступал как универсальный коммуникативный код единого советского пространства. Казахский язык оставался маркером этнической принадлежности, но не рассматривался как полноценный инструмент государственной коммуникации. Следствием данной политики стала трансформация языкового сознания населения. Формировался тип советского билингва, ориентированного на практическую выгоду использования русского языка и одновременно сохраняющего символическую привязанность к родному языку. Это приводило к постепенной десакрализации казахского языка в общественном восприятии и снижению его функционального потенциала. Наряду с этим наблюдалась региональная специфика двуязычия. В сельской местности казахский язык сохранял более устойчивые позиции, тогда как в северных и индустриальных регионах преобладала русскоязычная языковая среда. Это усиливало внутреннюю языковую дифференциацию и формировало различные модели билингвизма в пределах одной республики. В условиях позднего социализма начинается частичная рефлексия по поводу положения национальных языков. Появляются дискуссии о необходимости укрепления статуса казахского языка, расширения сфер его функционирования и сохранения культурного наследия. Однако реальные изменения оставались ограниченными и не затрагивали базовых структур языковой иерархии. Таким образом, советская модель двуязычия в Казахстане представляла собой форму институционализированного доминирования одного языка над другим при сохранении внешних признаков национального разнообразия. Эта модель оказала глубокое воздействие на культурное развитие общества и продолжает определять современные языковые процессы в постсоветском Казахстане.

Список использованной литературы:

1. Сулейменов О. Язык и цивилизация. - Алматы: Жазушы, 2006. - 456 с.
2. Балакаев М.Б. История казахского литературного языка. - Алматы: Рауан, 1999. - С. 123.
3. Волков Ю.Г. Национальная политика СССР: теория и практика. - М.: Наука, 2004. - С. 78-92.
4. Жанпейісов Е. Советская языковая политика в Казахстане и её последствия. - Алматы: Атамұра, 2008. - С. 55-60.
5. Исагулов У. Демографические процессы и языковая ситуация в Казахстане в XX веке. - Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2005. - С. 101-105.
6. Мусабаев Б.Я. Социоллингвистика и языковая политика в современном Казахстане. - Алматы: Қазақ университеті, 2015. - С. 22-35.
7. Назарбаев Н.А. В потоке истории. - Алматы: Атамұра, 1999. - С. 296.

ИСТОРИЯ СУДЬБЫ МОЕЙ СЕМЬИ

Руппель А.М.

Научный руководитель: д.и.н., профессор Козина В.В., м.г.н. Утебаева А.Д.

Карагандинский национальный исследовательский университет

имени академика Е.А. Букетова

Solis.090108@gmail.com

В начале 1930-х годов в СССР началась масштабная кампания раскулачивания - одна из самых трагических времен отечественной истории. События тех лет показывают, как государство ломало человеческие судьбы, целые семьи и народы. Государство стремилось устранить крестьянские хозяйства, которые считались «зажиточными» для власти. Под репрессии попадали крестьяне, которые

всего лишь имели немного больше земли, скота [1]. За несколько лет сотни тысяч семей были выселены из родных мест. Людей лишали имущества, объявляли врагами народа и отправляли в отдалённые районы страны. Казахстан стал одним из крупнейших центров спецпоселений – были переселены больше миллиона человек. В этот поток попала и семья моего прадедушки.

Кирпичев Александр Петрович, родился в 1899 году в Саратовской области, Балашовского района. Был репрессирован вместе со своей семьёй 10 мая 1931 года [2]. Решение о выселении приняла Администрация Саратовской области, документы были подписаны директором В.В. Суценок и заведующей хранилища Т.А. Котовой. Семью направили в Казахстан, в Карагандинскую область как трудопереселенцев.

Путь был тяжёлым и опасным. Людей везли в теплушках – неотапливаемых вагонах, предназначенных для скота. Внутри вагонов не было мест чтобы сидеть, люди спали на полу, застилая его тем, чем могли: одеждой, мешками, соломой, если им удавалось её достать.

В пути не выдавали нормальной еды, а вода была в дефиците: семьи брали с собой то, что могли унести, и быстро исчерпывали запасы. Во время остановок семьи вынуждены были рыть землянки, чтобы пережить ночь, это были неглубокие ямы, укреплённые ветками, полотнами и снегом – единственная защита от сильного пронизывающего ветра. Погодные условия особенно тяжело отражались на людях: зимой в степи температура могла падать до минус 30 и ниже. Летом температура была изматывающе жаркой, ветер был резким и пронизывающим. Тёплой одежды у переселенцев почти не было, так как имущество отбирали.

Многие умирали прямо в дороге – от холода, тифа, дизентерии, истощения, а также из-за того, что люди не выдерживали условий, в которых невозможно было выжить.

До Караганды нередко доходили уже ослабленные, больные, иногда половина состава погибала по пути. Те, кто выживал, попадали в суровые степные условия, где им снова приходилось строить землянки и бараки с нуля. Семья моего прадедушки сумела выстоять и добраться до места назначения, несмотря на те испытания, которые переживали тысячи людей.

В Казахстане спецпоселенцев ожидала суровая реальность. Многие семьи жили в земляных убежищах или временных бараках. Условия были несовместимы с реальностью. Землянки быстро промерзали зимой и перегревались летом. Вентиляции не было – семьи задыхались от духоты или дыма, когда пытались растопить маленькую жестяную печку. В некоторых районах, раскулаченных расселяли в заброшенные бараки, старые конюшни, полуразвалившиеся сараи всё, что местные власти могли найти. Первое время переселенцам не выдавали нормы питания, потому что списки прибывших в Караганду часто терялись либо задерживались, и спецкомендатуры не знали, сколько людей ждать.

Люди выживали на том, что успели привезти, а запасы быстро кончались. Часто ели: траву, лебеду, овощные очистки, замёрзший картофель, хлеб по крошке. С водой тоже было тяжело: в степи колодцы встречались редко, их приходилось копать самим, а зимой всё замерзло. Спецпереселенцы обязаны были выполнять трудовые нормы. Нарушение считалось преступлением. Работы были самые тяжёлые: добыча угля в Карагандинском бассейне, строительство шахт и бараков, возведение дорог, сельхозработы на целине. Люди работали в любую погоду при морозах минус 35, метелях, пыльных бурях. За отказ выполнять работу людей жестоко наказывали. Спецпереселенцы находились под контролем: за нарушение режима – лишение пайка. Их ставили на строгий комендантский учёт, запрещали покидать пределы поселения, вводили обязательный труд. Несмотря на это, люди продолжали работать, создавать семьи и строить свою жизнь заново, так как они старались сохранить свои традиции и устои.

Александр Петрович трудился в угольной промышленности, на шахте имени Кирова. Караганда в те годы была центром интенсивной добычи угля, и многие переселенцы именно своим трудом поднимали промышленность территории. Работа в шахте была опасной и изнурительной: риск обрушений, тяжёлые условия, огромные физические нагрузки. В то время люди спускались в шахты в обычной одежде, так как защитную форму просто не выдавали. Уголь приходилось добывать вручную, кирками, лопатами и ломом. Эта работа была смертельно опасна из-за того, что шахта Кирова была очень плохо оборудована: постоянные обвалы, утечки газа, слабая вентиляция и нехватка медицинской помощи. Люди работали по 10-12 часов под землёй. Без хорошего питания выполнять эту работу практически было невозможно. Все понимали, что при выполнении некачественной работы спецпереселенцы будут наказаны, будут лишаться пайков, будут переведены на более сложные работы и отправлены под усиленный надзор. А это всего лишь малая часть всего ужаса.

Прадедушка честно трудился все эти годы и вышел на пенсию именно с этой шахты. Несмотря на статус спецпереселенца, его вклад в развитие страны был официально признан: 26 декабря 1967 года он был награждён медалью «50 лет Вооружённых сил СССР».

Постепенное восстановление прав трудопереселенцев началось ещё с 1934 года. Во время Великой Отечественной войны мужчин из числа спецпоселенцев призывали на фронт, а их семьи автоматически снимали с учёта спецпоселения. Позже, после распада СССР, началась реабилитация. 18 июля 1996 года, на основании статьи 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий», Кирпичев Александр Петрович был официально реабилитирован. Документ №410822 выдан УВД Саратовской области, был подписан заместителем начальника управления Н.Н. Водополовым. Это стало одним из самых важных шагов признания исторической несправедливости. У прадедушки было пятеро детей: Тамара (1933), Лилия (1935), Юрий (1937), Роза (1938), Любовь (1942). Все они пережили войну в тылу, разделив с родителями трудности жизни спецпоселения. Четверо детей уже ушли из жизни, но младшая дочь - Кирпичева Любовь - по сей день живёт в добром здравии и ясном уме. Она является последним живым свидетелем той эпохи и тех испытаний, через которые прошла семья. Я являюсь продолжателем рода Кирпичёвых. Моя бабушка - Кирпичева (Сарайская) Лилия Александровна, затем - моя тетя Сарайская Елена Феликсовна, и мама Попова Анна Ивановна.

История моего прадедушки это не просто биография. Это история о силе духа, и непоколебимости внутренней силы и мощи человеческого сознания. Она показывает, насколько важно помнить прошлое и людей, чей вклад является неотъемлемой частью нашей жизни. Мы храним и передаем эту историю нашим потомкам. Наши предки продолжают жить в нас, в наших словах и действиях.

Список использованной литературы:

1. Николай Ивницкий. Судьба раскулаченных в СССР. - М.: Собрание, 2004 - 296 с.
3. Архивные документы семьи